

ИЗ ИСТОРИИ ОСЕТИНОВЕДЕНИЯ: СОЛОМОН (ГАБУДИ) ТУККАЕВ

Л. К. Гостиева

Соломон (Габуди) Алексеевич Туккаев родился 16 декабря 1857 г. в с. Вольно-Христиановское (с. Новохристиановское, с. Христиановское, ныне г. Дигора) [1, 182]. Окончив сельскую церковно-приходскую школу, он поступил во Владикавказский Горский пансион при реальной прогимназии. С 1 января 1874 г. реальная прогимназия была преобразована во Владикавказское реальное училище, а Горский пансион стал обычным пансионом при нем. Соломон содержался в пансионе на средства Общества восстановления православного христианства на Кавказе.

В 1880 г. Соломон окончил Владикавказское реальное училище [2, 201] и поступил в Петербургский лесной институт, однако по состоянию здоровья был вынужден переехать в Москву. 27 сентября 1880 г. он был зачислен студентом 1 курса лесного отделения Петровской сельскохозяйственной и лесной академии (с 1889 г. — Петровская сельскохозяйственная академия, ныне Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К. А. Тимирязева). 2 мая 1881 г. Туккаев из лесного отделения академии был переведен на сельскохозяйственное отделение.

На первом и втором курсах академии Туккаев слушал лекции по морфологии растений и общей систематике растений знаменитого русского ученого, доктора ботаники К. А. Тимирязева. Под его непосредственным руководством он проходил практику по микроскопической технике и определению растений.

Туккаев участвовал в экскурсиях, которые устраивались для студентов старших курсов академии. В октябре 1884 г. он принял участие в экскурсии в свеклосахарный завод графини Бобринской в г. Богородицк Тульской губернии (ныне административный центр Богородицкого района Тульской области. — Л. Г.) под руководством профес-

сора В. М. Руднёва, а в декабре того же г. выезжал на зоотехническую экскурсию, которой руководил доцент П. Н. Кулешов [3, 6].

Материальное положение Туккаева при обучении в академии было трудным. Он получал ежемесячную общестуденческую стипендию 16 руб. 06 коп., из которой вносил плату за слушание лекций. Только на четвертом курсе он был освобожден от этой платы. Тогда же он получил единовременное пособие в размере 100 руб. из средств, выделенных Терской областью для наиболее нуждающихся кавказских студентов [3, 6].

В Москве продолжилось знакомство Соломона Туккаева с доцентом Московского университета по кафедре сравнительного языкознания В. Ф. Миллером. Кроме занятий преподаванием он активно участвовал в деятельности ряда обществ, где был организатором и руководителем группы исследователей русской этнографии и фольклора и традиционной культуры разных народов страны. С 1872 г. Миллер являлся членом Общества любителей российской словесности, с января 1875 г. — действительным членом Императорского Московского археологического общества. В марте 1876 г. Миллер был избран действительным членом Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАЭ) при Московском университете, 15 декабря 1881 г. — председателем его Этнографического отдела, который возглавлял более 30 лет. В 1884-1897 гг. Миллер состоял хранителем Дашковского этнографического музея при Румянцевском музее.

Возглавив Этнографический отдел ИОЛЕАЭ, Миллер взял на себя ответственность за развитие в стране этнографической науки, которая в то время понималась в самом широком смысле слова. Значительное место в работе Московского археологического общества и Этнографического отдела

ИОЛЕАЭ занимали кавказоведческие исследования, которые координировал Миллер.

В самом конце 1870-х годов ученый обратился к исследованию осетин. Объясняя свой научный интерес к осетинам, Миллер писал в предисловии к первой части «Осетинских этюдов»: «Мы предполагаем издать ряд материалов и исследований, имеющих целью изучение языка осетин, их эпических сказаний, религиозных воззрений и их прошлого... Осетины представляют значительный интерес для лингвиста и этнографа: первый найдет в их языке несомненные черты иранской группы индоевропейской семьи языков; второй заинтересуется ими как народом нашего, индоевропейского рода-племени, сохранившим до наших дней свою особенность и древний склад жизни среди тущоб Кавказа и среди других народов, чуждых ему по языку и происхождению» [4, 3].

В 1879 г. он совершил первую из шести научных экспедиций в Осетию (1879, 1880, 1881, 1883, 1886, 1901). Туккаев встречался с Миллером во Владикавказе во время его экспедиции в Осетию летом 1880 г. Вероятно, эта встреча была связана с участием Туккаева в сборе материала для будущего «Осетинско-русско-немецкого словаря», который собирался издать Миллер. В письме Миллера к редактору газеты «Терек» от 3 июля 1883 г. среди лиц, помогающих ученому в работе над словарем, упоминалась и фамилия Туккаева (другие — это Толпаров, Дигуров, Ибрагим и Индрис Шанаевы, Туаев, Кокиев, Туккаев и священники Цаликов и Дзампаев).

Сбор материала для словаря координировал преподаватель Владикавказского реального училища С. В. Кокиев. Он включил Туккаева в авторский коллектив по сбору словарного материала, поскольку хорошо знал выпускника училища и высоко ценил его знания языка и традиционной культуры осетин. С целью сбора материала между всеми участниками авторского коллектива были распределены буквы осетинского алфавита.

К лету 1883 г. рукописный словарь составлял уже 2800 слов. К сожалению, при жизни Миллера словарь не был издан. В 1913 г. после смерти ученого словарь в коли-

честве свыше 8000 слов остался в рукописи на карточках и поступил вместе с библиотекой Миллера в Азиатский музей Академии наук. В 20-е гг. XX в. рукописный словарь был значительно доработан и расширен при участии В. И. Абаева, Гр. А. Дзагурова, Ц. Б. Амбалова, И. Т. Собиева, М. К. Гарданова, М. А. Мисикова и других осетинских исследователей. В 1927-1934 гг. три тома «Осетинско-русско-немецкого словаря» В. Ф. Миллера под редакцией А. А. Фреймана были изданы Академией наук СССР.

Осенью 1880 г. С. В. Кокиев рекомендовал Туккаева Миллеру в качестве консультанта, переводчика текстов, помощника по работе над лингвистическим, фольклорным и этнографическим материалами для его будущей книги «Осетинские этюды». В письме от 21 октября 1880 г. Кокиев писал Миллеру: «Еще обрадую Вас, наконец, издаюлка нашел Вам в Москве осетина, моего воспитанника Туккаева, с которым, кажется, Вы встречались летом здесь. Он теперь переехал из Лесного института (в Петербурге) в Петровскую академию (теперь Тимирязевскую). Я ему уже писал, чтобы он непременно явился к Вам. Он, как юноша неопытный, один на чужой стороне, сильно скучает и нуждается в нравственной поддержке, в которой, Вы, надеюсь, по обычной доброте, не откажете... Он юноша хороший, только конфузлив» [5, 411].

Через некоторое время Соломон появился у Всеволода Федоровича и стал его ценным помощником в работе над книгой. Помогая ученому, он подолгу жил у него в квартире и на даче. Интерес к языку, фольклору, этнографии осетин, который определился у него с юности, получил в сотрудничестве с Миллером свое дальнейшее развитие. С лета 1881 г. Туккаев под руководством Миллера самостоятельно собирал в Осетии фольклорный материал.

В 1881 г. Миллер издал первую часть своих знаменитых «Осетинских этюдов», в которую вошли «Сказания о нартах», «Сказки, местные предания и песни», «Местные предания и сказки, записанные по-русски». Нартские сказания, вошедшие в первый раздел, были записаны Миллером от осетинских сказителей во Владикавказе, Алагире и

Садоне летом 1880 г. в Камунте и Стур-Дигоре — летом 1881 г.

Туккаев предоставил Миллеру ценные фольклорные материалы, которые вошли во второй отдел книги «Сказки, местные предания и песни».

«Предание о том, как пчелы явились в Дигории» [4, 96-97], было переведено Туккаевым на дигорский диалект осетинского языка со сказания, опубликованного Андреем Медоевым в 1880 г. в газете «Терские ведомости» на русском языке [6]. Сказание содержало интересные фольклорные материалы о появлении у дигорцев пчеловодства и о покровителе пчел Аниголе: «...пчеловоды сильно боятся его гнева и ежегодно, выпускающая пчел на поля, делают ему *кувд*. Несколько пчеловодов, выпускающих вместе, покупают жирного барана, режут его и молятся об урожае меда» [4, 97].

Фамильное предание «Туккаевская болезнь» [4, 99-101] было связано с особым почитанием змей, в честь которых Туккаевы ежегодно устраивали специальное пиршество. Предание было записано Туккаевым в с. Новохристиановское.

Отмечая помощь Соломона Туккаева в подготовке первой части «Осетинских этюдов», Миллер писал в предисловии: «Мы нашли нелишним снабдить осетинские тексты ударениями и для этой цели, не всегда доверяя своему слуху, перечли наши тексты два раза, первый раз в Владикавказе вместе с г. Кокиевым, второй раз в Москве вместе со студентом Петровско-земледельческой Академии дигорцем г. Туккаевым... В заключение считаем приятным долгом принести нашу искреннюю благодарность гг. Кокиеву и Туккаеву за живое участие, которое они принимали в нашей работе. С. В. Кокиев взял на себя труд составить русско-осетинский глоссарий и доставил нам его из Владикавказа в декабре 1880 г. С. А. Туккаев помогал нам в занятиях в Москве в течение зимы и лета текущего года и доставил два дигорских текста в наше собрание. Оба были нам полезны при объяснении отдельных слов и расстановки ударений» [4, 4, 5].

Осетинские исследователи отмечали значимость публикации Миллером текстов осетинского фольклора. В. И. Абаев указал

на то, что они «для своего времени... были крупным событием... Записи В. Миллера дают образцы обоих основных диалектов иронского и дигорского, а также туальского говора, содержат безупречный языковой и фольклорный материал, отличаются точностью в передаче фонетической стороны» [7, 22]. Б. А. Алборов особо подчеркнул, что «образцы дигорского наречия, сообщенные Вс. Ф. Миллером, были первыми появившимися в печати памятниками этого наречия» [8, 389]. По мнению Г. Г. Бекоева, «сравнительно высокие достоинства этих записей» определялись именно привлечением к сотрудничеству самих образованных осетин-дигорцев» [9, 19].

После издания первой части книги Миллер трудился над второй ее частью. В этой работе ему продолжал оказывать помощь Туккаев. В 1882 г. ученый издал вторую часть «Осетинских этюдов». Первые шесть глав книги были посвящены осетинскому языку, седьмую главу составила работа ученого «Религиозные верования осетин» [10, 15]. В предисловии Миллер особо отметил помощь Туккаева в работе над книгой: «В заключение, заявляем вторично нашу признательность Соломону Алексеичу Туккаеву, которому мы обязаны нашими сведениями по дигорскому наречию, а также по религиозным верованиям и обычаям дигорцев» [11, II].

В первой главе «Звуки осетинского языка и их выражение азбукой» Миллер широко использовал знания Туккаева о произнесении звуков в дигорском языке. Так, при попытках уловить отличия звука «т» при произнесении слов «туг» (кровь) и «топ» (ружье), обнаруженные академиком А. М. Шегреном, В. Ф. Миллер писал, что «обращался письменно к г. Кокиеву и лично к г. Туккаеву и оба подтвердили, что в обоих случаях и они слышат и произносят одно и то же *т*» [11, 21].

Анализируя материалы Шегрена по поводу произнесения звуков «и» и «ж», Миллер отмечал, что «по свидетельству природного дигорца г. Туккаева, чистые *и* и *ж* можно слышать только в говоре двух станиц — Новоосетинской и Черноярской, на запад от Моздока — отделенных Кабардою

от сплошных осетинских селений и подчинившихся русскому влиянию» [11, 22].

Неоценимую помощь Туккаев оказал Миллеру при написании им второй главы «О диалектах Осетинского языка», в которой ученый сгруппировал отличия дигорского и иронского диалектов осетинского языка. Туккаев консультировал ученого по дигорскому диалекту. Однако и при написании других глав Миллер часто прибегал к знаниям Туккаева по дигорскому диалекту. Миллер писал, что «на отличия дигорского от иронского указывается, при случае, в других главах. Немногие различия в *формах*, в склонении и спряжении будут указаны в главах V и VI» [11, 32].

Миллер, как известно, первоначально выделил в осетинском языке три диалекта — иронский (восточноосетинский), дигорский (западноосетинский) и южный, но позже рассматривал два диалекта и одно «подречье» — двальское, которое полагал подречьем иронского. Носителями восточного диалекта Миллер считал алагирцев, куртаинцев, тагаурцев, а в западный — дигорцев. Осетинский лингвист Е. Б. Бесолова отмечала: «Вс. Ф. Миллер первым предпринял попытку объяснить происхождение диалектов осетинского языка и связал это с распадом иронского диалекта, отсутствием контактов между различными ветвями осетинского народа, разными географическими и историческими условиями их существования. Это, по мнению Миллера, и предопределило разные темпы развития наречий двух основных частей осетинского народа — более продвинутый уровень иронского и отставание дигорского. Ученый обосновал, таким образом, причину, в результате которой изначально единый осетинский язык, в основе которого лежали иронские формы, получил две диалектные формы развития» [12, 32].

В начале своей работы «Религиозные верования осетин» Миллер отметил, что «источниками сообщаемых ниже сведений о верованиях осетин служат: статья г. Гатиева, природного осетина, «Суеверия и предрасудки у осетин», помещенная в «Сборнике сведений о Кавказских горах», рукописная записка священника Гатуева о дигорских дзуарах и некоторые сведения, собранные

нами на месте или сообщенные нам г. Туккаевым и Кокиевым» [11, 238].

В третьем разделе «Общественные праздники» Миллер описал по материалам Туккаева праздник зимнего цикла «Цыппурс»/«диг. Цæппорсæ», справлявшийся за одну неделю до наступления Нового года. В день праздника мальчики отправлялись к знакомому пастуху, выпрашивали у него козла и закалывали его. Голову и шкуру козла обменивали у кого-нибудь на мед, затем устраивали пирушку.

При анализе культа домового Миллер отметил, что у иронцев он назывался «Бына ты хицау», а у дигорцев, по словам Туккаева, «Бундор», т.е. «основной камень». Миллер указал на то, что обрядность праздника, отмечавшегося под сроду между Рождеством и Новым годом, у иронцев и дигорцев была почти тождественна.

В этом же разделе Миллер подробно остановился на существующем у осетин поверье о том, что души некоторых людей во время сна оставляли тело и предпринимали поездки в таинственную область, из которой привозили счастье, урожай и болезни, особенно кашель [11, 270]. Среди вариантов этого поверья, различавшегося по названию области, в которую прилетали души и подробностями ночного путешествия, Миллер привел варианты Б. Гатиева и С. Туккаева: Эта область у иронцев (Б. Гатиев) называлась «Курыс» («Куырыс» — Л. Г.) — луг, «на котором растут семена различных земных произведений, а также счастья и несчастья. Он составляет собственность мертвых» [13, 26]. У дигорцев (С. Туккаев) область эта называлась «Бурку», а люди, едущие туда под Новый год, «буркудзутæ». По поверью, в местности Бурку находился склад всяких предметов, и чем предметы на вид были более блестящие, тем они оказывались вреднее. Неопытные, «польстившись на какой-нибудь блестящий предмет, привозят домой всякие болезни, особенно кашель; опытные же захватывают такие предметы, из которых для их аула происходят урожай хлебов, хороший приплод скота и т.п.» [11, 270-271].

Научный интерес представляет описание стур-дигорского праздника «Фац-

бадæн», справлявшегося в середине января. Миллер воспроизвел варианты проведения праздника по записям священника Алексея Гатуева и сообщению Соломона Туккаева. В течение пяти дней проведения праздника стур-дигорцы никого не пускали в свое селение и никого не выпускали из него. Если же праздник заставал путника в селении, то он должен был остаться до его окончания и принять в нем участие. В течение этих дней запрещено было производить погребения и вообще прикасаться к мертвому телу. Четыре дня каждая семья справляла праздник у себя дома, а на пятый начиналось общественное пиршество. Кульминацией праздника была местность Газæндон, по которой с первого дня никому не разрешалось проезжать. Здесь около дзуара Идауæг устраивалась торжественная трапеза, исполнялись песни и танцы.

Миллер привел два народных предания о том, что послужило поводом к появлению праздника «Фацбадæн». Один вариант был записан Гатуевым, другой — сообщен Туккаевым. Оба варианта предания, различавшихся по времени длительности праздника и по многим деталям, были связаны с событиями избавления селения от холеры [11, 282-285].

Миллер дал описание девичьего праздника «Чызджыты бадæнтæ Мады Майрæмы тыххæй» («Сидения девушек ради Матери Марии»), отмечавшегося в конце осени [14, 10]. Он привел данные Туккаева о том, что на этих посиделках девушки наперегонки плели конопляные нити себе в приданое, а сам праздник совпадал по времени с окончанием сбора конопли.

В четвертом разделе «Домашние обряды» Миллер поместил материалы Туккаева по родильным, свадебным и похоронным обрядам дигорцев. При описании обрядов, связанных с рождением мальчика, Миллер воспроизвел песню, которую пели соседские девочки, раскачиваясь на качелях, устроенных в *хæдзар*'е [11, 289]. Он привел песню по-дигорски, как она была записана Туккаевым, и в своем переводе на русский язык. Миллер отметил также описанный Туккаевым обряд «Авдæнбæдтæн» («Привязывание ребенка к люльке»).

Миллер использовал материалы Туккаева и при описании свадебных обрядов дигорцев.

При рассмотрении похоронных обрядов Миллер остановился на верованиях осетин, считавших душу существом, независимым от тела. В качестве примера он привел сообщенное ему Туккаевым поверье о том, что после наступления смерти душа отделялась от тела [11, 295]. При наступлении смертного часа над человеком творили суд: если умирал мужчина — то шестеро мужчин, если женщина — то четыре женщины. В момент смерти заявлялся *удесаг* в образе волка, которого больной страшно боялся. По извлечении души из тела душа летала над трупом до тех пор, пока он находился дома, затем следовала за ним на кладбище. Во время похорон душа снова входила в тело, этим будто бы объяснялось трехкратное приподнимание тела над засыпанной могилой. После этого душа, покинув тело, вновь улетала на небо, где должна была пройти сквозь семь звеньев цепи, после чего она снова принимала человеческий облик.

В конце раздела Миллер поместил поверье о «Руймоне», сообщенное ему Туккаевым [11, 295-296]. По представлениям осетин, души умерших наряду с жертвенной поминальной пищей питались особым взваром из мяса змеевидного чудовища Руймон, после употребления которого они принимали такой же вид, каким он был при наступлении смерти.

На основе материалов, полностью представленных Туккаевым, Миллером подготовил пятый раздел «Предания о небесных светилах», включивший народные предания о нарастании и ущербе месяца, лунных пятнах, затмении луны, Полярной звезде и созвездии Большой Медведицы, Плеядах [11, 297-301].

Первое предание было связано с почитанием у осетин луны и представлениям о ее фазах. Луна, как и солнце, считалась у осетин антропоморфным существом. Луна выступала как молодой человек, распятый между небом и землей из-за преследований ревновавших его сестры и жены. После долгих споров сестра и жена согласились, что бы юноша две недели принадлежал сестре,

а другие две недели — жене. «Юноша стал месяцем и с тех пор ходит по небу: когда он в руках сестры, то она постепенно съедает его, а когда переходит в руки жены, она снова его выкармливает» [11, 299].

Следующее предание, сообщенное Туккаевым, было связано с происхождением пятен на луне и затмением луны. По повелению, пятна на луне создавал враг человечества, чудовищный Самели, который за проступки против людей был взят на небо и прикован железными цепями к луне. Затмение луны, по преданию, объяснялось тем, что у Самели остались сыновья в виде щенят, которые в известное время, стараясь освободить отца, нападали на луну и начинали ее пожирать. Осетины верили, что с освобождением Самели создавалась опасность всему человечеству превратиться в ослов. Избежать этого мог только род, к которому принадлежал сам Самели. Некоторые осетинские фамилии, считавшие себя потомком Самели, устраивали в честь своего патрона ежегодный кувд, отличавшийся особой обрядностью.

Происхождение Полярной звезды «Ахсахъ-Темур» и Большой Медведицы «Лæдæрдтæ», по преданию, объясняли следующим. Один злой человек Ахсахъ-Темур ходил вместе со звездами по небу и притеснял семерых братьев. Те решили, что он находится в зависимости от Донбеттæра и взяли у него аталыка, которого Ахсахъ-Темур не побоялся убить. Тогда Донбеттæр подсказал братьям, чтобы они начали караулить Ахсахъ-Темура около реки, к которой он спускался один раз в день. Узнав об этом, Ахсахъ-Темур перестал ходить к реке и сел посреди неба, посадив своими сторожами двух жеребят. А братья («Лæдæрдтæ») начали блуждать по небосводу по направлению к реке (Млечному пути) «говоря: «Он придет, он придет!» Когда начинает рассветать, они замечают полярную звезду вверху и направляются к ней, но с рассветом она пропадает в солнечном свете» [11, 300].

В завершение раздела Миллер поместил сообщенное ему Туккаевым предание о появлении на небе звезд — «Æмбурдтæ» (Пляды) [11, 300-301].

В работе «Религиозные верования осетин» Миллером была разработана первая научная систематизация религиозных верований и обрядов осетин. Проведенный ученым анализ традиционной религии осетин послужил для осетиноведов и кавказоведов стимулом для перехода от публикации этнографических материалов к их научному осмыслению. Исследование Миллера, по мнению Абаева, стало первым обобщающим трудом, давшим «общую картину этнографии осетин, систему их религиозных воззрений, обрядов, обычаев», в котором учёный сосредоточил «тщательно собранный и вполне надежный и проверенный материал о таких сторонах прошлой жизни осетин, которые теперь в значительной части не могут уже быть предметом прямого наблюдения» [7, 25].

Первая и вторая части «Осетинских этюдов» получили высокую оценку в научных кругах России и за рубежом. 5 февраля 1883 г. их автору была присуждена ученая степень доктора сравнительного языкознания Московского университета. В 1884 г. Миллер получил звание экстраординарного, в 1886 г. — ординарного профессора по той же кафедре. Третья часть «Осетинских этюдов», вышедшая в 1887 г., была удостоена Большой золотой медали Императорского Русского географического общества.

Тесное общение и плодотворное сотрудничество с Миллером оказало существенное влияние на становление молодого Соломона Туккаева, представителя нарождающейся осетинской интеллигенции. На «воскресных вечерах» в доме Миллера Туккаев познакомился и встречался со многими известными русскими учеными (М. М. Ковалевским, Н. Н. Харузиным, В. Н. Богдановым, А. С. Хакановым, Н. П. Леоновым, Н. В. Насоновым и др.), внесшими большой вклад в развитие разных областей науки. На этих вечерах часто присутствовали молодые представители национальной интеллигенции Кавказа: горский еврей И. Ш. Анисимов, даргинец Б. К. Далгат, лакец Д. Б. Бутаев, кабардинец Т. Кашежев, балкарец С.-А. Урусбиев и многие другие. Всех их Миллер приобщал к изучению собственных народов, поддерживал своими советами и помощью.

Будущий академик Н. В. Насонов, брат жены В. Ф. Миллера, стал близким другом С. А. Туккаева. Являясь одним из основателей и активных деятелей отделения пчеловодства Императорского русского общества акклиматизации животных и растений, Насонов немало способствовал тому, чтобы привлечь Туккаева к серьезным занятиям по изучению и развитию пчеловодства в Осетии.

С 1882 г. Туккаев начал посещать заседания отделения пчеловодства в качестве приглашенного гостя. 30 сентября 1882 г. он выступил на заседании отделения пчеловодства с докладом «Сведения о состоянии пчеловодства в окрестностях Владикавказ», опубликованном в «Трудах отделения пчеловодства Императорского русского общества акклиматизации животных и растений», которые печатались в «Известиях Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии» [15, 6-8].

В докладе Туккаев осветил состояние пчеловодства и методы его ведения. Он подробно описал местную форму улья — сапетку. Туккаев отметил, что мед в основном шел на продажу, при этом «продают не чистый мед, а в том виде, в каком он есть в улье и даже вместе с сапетками» [15, 8]. Доклад Туккаева вызвал у слушателей большой интерес и одобрение. В прениях по докладу выступили академик А. М. Бутлеров и Н. В. Насонов.

На основании доклада Туккаев был принят действительным членом отделения пчеловодства Императорского русского общества акклиматизации животных и растений. В протоколе заседания отделения пчеловодства от 18 ноября 1882 г. он уже значился как действительный член Общества [15, 11].

Летом 1883 г. Туккаев прошел практику в лаборатории Измайловской пчеловодческой опытной пасеки — научно-исследовательской базе по пчеловодству Императорского русского общества акклиматизации животных и растений [15, 40]. Он проводил сравнительные наблюдения над ульями разных систем, измерял температуру в вертикальных и горизонтальных ульях в течение суток, следил за ходом медосбора. В 1883 г.

Туккаев продолжал активно участвовать в заседаниях отделения пчеловодства. 8 декабря 1883 г. он выступил с новым докладом «О пчеловодстве в Осетии» [15, 48-50], в котором осветил вопросы о степени распространенности пчеловодства в Осетии и экономических выгодах, получаемых от этой отрасли сельского хозяйства при рациональном его ведении.

Туккаев привел статистические данные, свидетельствующие о локальном характере распространения пчеловодства в Осетии. По его данным, пчеловодство было сосредоточено в основном в Западной Осетии, 83,2% населения которой занимались этой отраслью сельского хозяйства. Наибольшее развитие пчеловодство достигло в с. Христиановское, в котором 500 дворов из 603 имели пчел. Во всем селении насчитывалось 42 пасеки с 37 тыс. 280 ульев-сапеток. Туккаев отметил, что пасеки никогда не принадлежали одному лицу, они были артельные. По его данным, 10 пасек было в с. Ардонское (ныне г. Ардон), 8 — в с. Магометанское (ныне с. Чикола) и 3 — в с. Гизель [15, 49].

Туккаев рассмотрел также пути распространения пчеловодства в Осетии. Одним из них было устройство угощения «Мудти кувд» для местных пчеловодов, после которого пчеловоды дарили хозяину несколько ульев меда. Вторым путем было поступление караульным на артельную пасеку. В качестве вознаграждения за свою работу крестьянин получал по одной или две сапетки от каждого члена артельной пасеки. Третий возможный путь — наняться на лето в помощники к хозяину, имевшему несколько сот сапеток. Через два-три года такой помощник становился собственником сапеток. По мнению Туккаева, этих путей было явно недостаточно для повсеместного распространения пчеловодства среди осетин. Он внес предложение обратиться с ходатайством к начальнику Терской области об открытии во Владикавказе при пасеке г. Осипова специальной школы, в которой осетины могли бы получать необходимые теоретические и практические знания для насаждения рационального пчеловодства [15, 50].

Доклад Туккаева был опубликован в «Трудах отделения пчеловодства Императорского русского общества акклиматизации животных и растений» [15, 48-50].

Летом 1883 г. Соломон Туккаев вместе со своим давним другом Сафарали Урусбиевым принял участие в экспедиции Миллера и Ковалевского в горские общества Кабарды и в Осетию.

Первая часть этой экспедиции проходила на территории современной Кабардино-Балкарии, в основном в горных обществах Балкарии. Целью поездки для Миллера было определение границ распространения исторической территории алан — предков осетин. Ковалевский предполагал собрать материал по обычному праву и общественному строю балкарцев.

В экспедиции по Балкарии обоим ученым сопровождал Сафарали Урусбиев, сын известного балкарского просветителя и общественного деятеля Исмаила Мирзакуловича Урусбиева (1829–1888). Соломон Туккаев учился с Сафарали сначала во Владикавказском реальном училище, а потом в Петровской сельскохозяйственной и лесной академии. Их связывала тесная дружба, которую они пронесли через всю жизнь. Еще с юности их объединял интерес к устному народному творчеству и этнографии своих народов. Соломон Туккаев собирал фольклорные материалы дигорцев. С именем Сафарали Урусбиева связана первая публикация карачаево-балкарского нартского эпоса. Еще будучи учащимся Владикавказского реального училища, он подготовил к печати, а в 1881 г. издал в первом выпуске «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» карачаево-балкарскую версию нартиады.

Урусбиев оказал неоценимую помощь Миллеру и Ковалевскому не только в качестве проводника и переводчика, но и в сборе полевого материала. Результаты экспедиционной поездки нашли отражение в статье В. Ф. Миллера и М. М. Ковалевского «В Горских обществах Кабарды» [16, 540-588] и в статье Миллера «Сообщение о поездке в Горские общества Кабарды и в Осетию летом 1883 г.» [17, 198-204].

Вторая часть экспедиции ученых про-

ходила в Осетии: в г. Владикавказе, с. Новохристиановское, п. Алагир и с. Ардонское. Экспедицию сопровождал учитель Владикавказской реальной гимназии С. В. Кокиев, автор «Записок о быте осетин».

Главной целью поездки в Осетию для Миллера было изучение южно-осетинского говора и составление осетинско-русского словаря. Ковалевский ставил своей целью сбор материалов по обычному праву горцев для своей будущей книги «Современный обычай и древний и закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении».

В с. Новохристиановское Миллер и Ковалевский поселились в доме отца Соломона Туккаева, где провели несколько дней. В статье «Сообщение о поездке в Горские общества Кабарды и в Осетию летом 1883 г.» В. Ф. Миллер писал: «Вторая экскурсия была предпринята мною с проф. Ковалевским в Новохристиановское селение — к осетинам-дигорцам. Проведя в этом ауле, в семье студента Петровско-земледельческой Академии Соломона Туккаева, несколько дней, я записал несколько новых нартских сказаний и сказок, а также сотню пословиц и 50 загадок, главный образом, как материал для осетинского словаря» [17, 203].

В 1887 г. в третьей части своей книги «Осетинские этюды» в разделе «Дигорские пословицы» Миллер опубликовал 98 пословиц, записанных в 1883 г. от учителя Михаила Саламова [18, 183-189]. 12 загадок, записанных ученым от Михаила Саламова и Мурзабека Кесаева, были помещены им в разделе «Осетинские загадки» [18, 182].

С. А. Туккаев помогал найти информантов, хорошо знающих устное народное творчество, выступал в качестве переводчика, сам записал несколько сказок. От известного сказителя Масико Туккаева из с. Новохристиановское он записал на дигорском диалекте две интересные сказки — «Кривой великан» и «Асаго». После смерти Туккаева Миллер вместе с двумя записанными им от Мурзабека Кесаева сказками «О Сирдоне» и «О Цопане» опубликовал их в своем переводе и комментариями в 1885 г. под названием «Осетинские сказки» в «Сборнике материалов по этнографии, издаваемом при

Дашковском этнографическом музее» [19, 121-138]. Миллер писал в предисловии к изданию: «Две первые сказки записаны мною, две остальные С. А. Туккаевым от жителей Новохристиановского аула в Плоскостной Осетии, говорящим чистым дигорским наречием осетинского языка. В сделанном мною переводе с рукописи я старался как можно ближе держаться текста, чтобы передать не только содержание сказок, но по возможности и самый склад осетинской речи. Для уяснения некоторых бытовых подробностей в конце перевода приложены примечания» [19, 113].

Сохранившиеся в черновой рукописи пять дигорских сказок («Асаго», «Хитрая девочка», «Одноглазая галка», «Месяц», «Братья и сестра»), записанные Туккаевым от сказителя Масико Туккаева, с транскрипцией Миллера были изданы совместно с бароном Р. Р. Штакельбергом в 1891 г. в Санкт-Петербурге в издании Императорской Академии Наук с немецким переводом и глоссарием [20].

Четыре дигорские сказания «Æрта æнгари» («Три товарища»), «Авдæнбæдтæн» («Привязывание ребенка к люльке»), «Руймон» (Мифическое змеевидное чудовище, спускающееся, по верованиям осетин, с неба) и «Биттир» («Поверье о летучей мыши»), записанные Туккаевым на дигорском диалекте, в черновой записи остались после его преждевременной смерти у Миллера, который издал их в 1902 г. в «Трудах» Лазаревского института восточных языков в книге «Дигорские сказания» [21, 47-48, 58-59, 60-61, 132-133]. Сказание «Æрта æнгари» («Три товарища») было в рукописи Туккаева не окончено.

Сказания были переведены Миллером на русский язык и снабжены примечаниями. По поводу перевода он писал: «Передавая сказания по-русски, я старался держаться как можно ближе дигорского текста с той целью, чтобы перевод мог дать более ясное понятие о характере и строе дигорской речи. Того же принципа держался я в переводах, помещенных мною в 1-ой части «Осетинских этюдов». Конечно, к такому переводу нельзя предъявлять слишком строгих литературных требований, но он, надеюсь, будет

полезен для тех, которые пожелают заняться изучением дигорского наречия осетинского языка» [21, V]. Оригиналы рукописей Туккаева после его смерти были переданы Миллером Иналу Собиеву [22, 122].

Ковалевский собирал в Новохристиановском материале по обычному праву дигорцев. Наряду с полевыми материалами он тщательно изучил данные архива сельского правления по вопросам имущественного права. Интересный материал был собран Ковалевским в Алагире, с. Салугардан и в с. Ардон.

Третья часть экспедиции завершилась в Южной Осетии, куда ученые переехали из Владикавказа по Военно-Грузинской дороге.

В 1884 г. Туккаев со своим близким другом Урусбиевым опубликовали в журнале «Отечественные записки» совместную полемическую заметку «Письмо в редакцию» [23, 275-276], недавно обнаруженную исследователями творчества С. И. Урусбиева [24, 26]. В ней они убедительно опровергли замечания, высказанные Я. Абрамовым в статье «М. М. Ковалевский о сословно-поземельных отношениях у горцев Северного Кавказа» [25, 163-167] по поводу методов исследования Ковалевского и качества собранного им материала во время экспедиции на Северный Кавказ в 1883 г.

Абрамов считал, что Ковалевский в своей статье «Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа» крайне преувеличил роль высших сословий в жизни кабардинского народа и влияние кабардинцев на остальные племена Северного Кавказа. Он считал, что представления Ковалевского о поземельном строе Кабарды противоречат фактам, народному сознанию и преданиям, печатным и архивным данным. Абрамов поставил под сомнение качество собранного Ковалевским во время экспедиции на Северный Кавказ полевого материала. Он писал, что пребывание Ковалевского «на горской территории продолжалось всего несколько дней и ограничивалось посещением одного аула. Очевидно, при таких условиях, г. Ковалевскому невозможно было изучить при посредстве личного наблюдения поземельные порядки всех горских племен Терской области, о которых

идет речь в его статье. Архивных изысканий г. Ковалевский также не делал. Печатными источниками он или не пользовался или пользовался слишком односторонне, так как обнаруживает полное незнакомство с существовавшими на Кавказе земельными порядками. Остается допустить, что г. Ковалевский почерпнул сообщаемые им сведения исключительно из рассказов кабардинских князей и осетинских алдаров и из докладов терской сословно-поземельной комиссии» [25, 166].

Как непосредственные участники экспедиции 1883 г. Туккаев и Урусбиев в своей публикации опровергли замечания Абрамова. Они отмечали, что Ковалевский посетил не одно, а девять больших селений, из них — три балкарских (Хулам, Чегем и Озроково), два кабардинских (Верхний Атажухинский и Нижний Атажухинский) и четыре осетинских (Осетинская слободка г. Владикавказа, Христиановское, Салугарданское и Ардонское). Кроме того, Ковалевский собирал материал во Владикавказе и Нальчике. Туккаев и Урусбиев указали на то, что Ковалевский собирал материал не только у высших сословий, а «у лиц самого разнообразного общественного положения, преимущественно у низших сословий. В каждом ауле г. Ковалевский приглашал к себе стариков — не двух, не трех, а человек двадцать и более, и расспрашивал их, каждого порознь, по одному и тому же вопросу» [23, 276].

Достоверность информации об экспедиции 1883 г., сообщенной в статье Туккаева и Урусбиева, подтверждают «Полевые записи М. М. Ковалевского в Северной Осетии и Балкарии», впервые опубликованные в 1979 г. видным этнографом-кавказоведом Б. А. Калоевым в приложении к книге «М. М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа» [26, 157-176]. Полевые записи, содержащие большой материал по обычному праву и общественному строю осетин и балкарцев, включают разделы: I. Алагир — аул Салугардан. II. Осетины. Показания Саввы Васильевича Кокиева, уроженца Терской области. III. Осетия. Показания Брека Корнаева (Новохристиановское селение), 86 л.; Показания Сикоева Битара из Зарамага; Новохристиановский аул.

IV. Дела канцелярии начальника Терской области по судному столу об утверждении общественного приговора осетинского народа Владикавказского округа 28 июля 1880 г. V. В. Чегем.

Весной 1885 г. С. А. Туккаев окончил теоретический курс академии, но без присвоения степени кандидата или действительного студента, поскольку для ее получения необходимо было отработать обязательную практику в помещичьем имении. Для прохождения практики Туккаев выбрал имение польской помещицы О. М. Менжинской в Крыму, в семи километрах от Симферополя. В мае 1885 г. он приехал в Крым. На пять месяцев практики в академии ему было выдано всего 80 руб. 54 коп., включая расходы на дорогу. При отсутствии в имении самой помещицы, Туккаеву в первые два месяца приходилось испытывать постоянное недоедание, позже питание его несколько улучшилось.

Сохранилось два письма из Крыма (от 25 мая и от 28 июня 1885 г.), написанных Туккаевым Миллеру. В этих письмах, по мнению А. В. Дарчиева, «неожиданно обнаруживается незаурядный литературный талант Туккаева. Окружающих его в имении помещицы Менжинской людей он описывает с мастерством настоящего сатирика, открывая перед нами небольшую, но яркую галерею персонажей «гоголевского» типа: пронырливый управляющий имением, напыщенный конторщик, девица «с мопсовой мордочкой», равнодушная к пану Соломону и т.д. Трудности, выпавшие на долю молодого выпускника Академии, под пером Туккаева превращаются в занимательные юмористические новеллы» [27, 108-109].

Несмотря на все трудности, Туккаев успешно подготовил научный отчет полевой практике. 3 мая 1886 г. он окончил академию со званием действительного студента сельского хозяйства.

С 1 января 1886 г. Туккаев был зачислен кандидатом на должность податного инспектора на Кавказе и прикомандирован для ознакомления с податным делом в Московскую казенную палату в качестве практиканта. Материальное положение его было тяжелым, поскольку как практикант он пер-

вые три месяца вообще не получал жалования. На четвертый месяц Туккаев был переведен на должность вольнонаемного служащего и стал получать небольшое жалование (25 руб. в месяц).

В эти годы Туккаев принимал активное участие в работе Комитета шелководства Императорского Московского общества сельского хозяйства. Вероятно, к этой работе его также привлек Н. В. Насонов, который являлся секретарем Комитета шелководства. Комитет шелководства следил за состоянием шелководства в различных местностях России, распространял сведения о правильном ведении дела и снабжал шелководов здоровой греной (кладка яиц тутового шелкопряда. — Л. Г.) и станками. 3 мая 1887 г. на заседании Комитета шелководства кандидат сельского хозяйства С. А. Туккаев единогласно был избран действительным членом Комитета шелководства Императорского Московского общества сельского хозяйства [28, 24, 25].

В 1887 г. Департамент земледелия и сельской промышленности с разрешения министра государственных имуществ выделил Комитету шелководства 800 руб. на исследование шелководства Юга России. Комитет шелководства, возглавляемый директором А. П. Богдановым, решил послать несколько человек в южные губернии России для сбора подробных сведений, статистических данных и составления коллекций, характеризующих местное шелководство. Среди четырех командированных был и кандидат сельского хозяйства С. А. Туккаев. На одном из заседаний Комитета шелководства была выработана программа исследования.

Летом 1887 г. Туккаев был командирован в Херсонскую губернию. Для поездки ему было выделено 300 руб. Туккаев посетил города Херсон, Николаев, Одессу и некоторые сельские населенные пункты Херсонской губернии. По возвращении из командировки им был составлен обстоятельный доклад «О состоянии шелководства в Херсонской губернии», который был обсужден и одобрен на заседании Комитета шелководства. В 1890 г. доклад С. А. Туккаева был полностью опубликован в «Трудах Комитета шелководства Императорского Московского обще-

ства сельского хозяйства» [28, 157-179]. Ознакомившись с состоянием шелководства в Херсонской губернии, Туккаев нашел его в полном упадке. В губернии насчитывалось около 12 пунктов, где встречалось шелководство. Туккаев в своем докладе отмечал, что для того, чтобы упрочить развитие шелководства, необходимо, прежде всего, обеспечить сбыт коконов. Для улучшения шелководства в Херсонской губернии он предлагал ввести в школе учебный курс шелководства и создать шелководные станции, прежде всего в Тираспольском уезде [28, 172].

Поскольку сроки создания института податных инспекторов на Кавказе затягивались, то Туккаев с 1 августа 1887 г. был переведен вольнонаемным служащим в Департамент окладных сборов с жалованием 40 руб. в месяц.

В декабре 1887 г. у Туккаева открылась острая форма туберкулеза и он выехал на лечение в Кисловодскую слободу (с 1903 гг. Кисловодск. — Л. Г.). Состояние его здоровья быстро ухудшалось, что усугублялось постоянной нуждой, которую он испытывал в Кисловодске.

В этот период Туккаев вел активную переписку с Миллером. К сожалению, пока не обнаружены письма Миллера к Туккаеву, о которых как о хранившихся в семье упоминал его брат — Георгий Алексеевич Туккаев [29, 128].

Сохранилось шесть писем, написанных Туккаевым Миллеру из Кисловодска с зимы по осень 1888 г. Судя по этим письмам, Миллер оказывал Соломону Алексеевичу дружескую поддержку, сообщал о московских новостях. В письме к Миллеру (зима-весна 1888 г.) Туккаев писал: «Теперь уже неопределенного нет ничего в моей болезни, все выяснилось и обнаружено. На днях у меня было опять небольшое кровохарканье, почему я ездил в Пятигорск к доктору. Последний, который два месяца тому назад не мог еще обнаружить ничего, кроме ослабленного дыхания, теперь нашел и ясные признаки органического повреждения легких. Убедился он также и в том, что кровь шла раньше и идет и теперь не из горла, как он склонен был раньше думать, а, несомненно,

из легких. Эта кровь, говорит он, ускорила процесс, так как часть ее, оставаясь в легких и разлагаясь там, вызвала разложение самих легких» [29, 115].

В письмах Туккаев обращался к Миллеру: «Батюшка!», «Дорогой батюшка!». И за этим теплым обращением стояло истинное чувство благодарности к старшему другу, который стал ему вторым отцом. Ведь на протяжении многих лет Всеволод Федорович оказывал Соломону Алексеевичу всяческую поддержку и помощь, в том числе материальную. Туккаев никогда не забывал о той роли, которую Миллер сыграл в его жизни, и не раз говорил об этом окружающим. В октябре 1888 г., съездив из Кисловодска на родину для встречи с родными и знакомыми, Туккаев писал Миллеру: «Дæ царæмбони туххæй выпил в нескольких домах несколько чашек багæни до дна. В трех местах громадные собрания выпили за здоровье того Миллера, у которого «æ зæрдæ махæрдæмæй» (к нам тяготит). В другом месте меня спросили: кто оказал мне наибольшую поддержку, после того как я оставил своих родителей. Я указал на Вас, а потому пущен был тост за Ваше здоровье и выпит всеми стоя, а мне поручено сообщить Вам о том» [29, 124].

В одном из писем Туккаев писал Миллеру: «Мне кажется, что я непременно бы выздоровел, если бы получал почаще такие искренние и сердечные письма, как Ваше последнее. Станный я человек! Ни талант человека, ни высокая честность, ни положение, ни широкая общественная деятельность — ничто, словом, не трогает и не подкупает меня так, как искреннее душевное отношение, которое буквально подавляет меня» [29, 123].

В своих письмах Туккаев всегда интересовался научной деятельностью Миллера и московских знакомых. Всеволод Федорович держал его в курсе всех научных новостей. В письме, написанном Миллеру в июле — августе 1888 г., Соломон Алексеевич благодарил его за интересное письмо: «Ваше письмо прочел с большим интересом, в нем столько нового для меня» [29, 125]. Чуть позже Туккаев интересовался у Миллера: «Как Вы живете? Не написали ли чего новенького? Жду

не дождусь; хоть бы прислали издания свои, о которых так много хорошего читаю в газетах» [29, 123].

Из Кисловодска, а позже из Армавира, Туккаев вел переписку и с членами семьи Миллера — его супругой Евгенией Викторовной [29, 124], сыном Борисом [29, 117, 122, 124] (в письмах он называл его иногда Бориской), будущим видным филологом-иранистом. Эти письма свидетельствуют о близких взаимоотношениях, сложившихся между ними. О теплых и дружеских отношениях семьи Миллера с Туккаевым можно судить по письму директору Северо-Кавказского института краеведения по случаю 10-летия со дня смерти В. Ф. Миллера, подписанному его супругой и тремя сыновьями: «Вся семья наша, начиная с 80 годов прошлого столетия, когда в нее вошел, как брат, покойный Соломон Алексеевич Тукаев, и до последних дней жизни Всеволода Федоровича, привыкла родственно общаться с представителями осетинского народа» [22, 125].

Самыми близкими знакомыми в Кисловодске у Туккаева была семья Аглинцевых. Хозяин дома — Давид Иосифович Аглинцев (ок. 1835-1910), служивший в 1860-1870-х гг. начальником Баталпашинского уезда Кубанской области, к 1877 г. вышел в отставку в чине подполковника. Д. И. Аглинцев считался одним из лучших знатоков центральной части Кавказа. Он владел в Кисловодске домами, которые сдавал посетителям курорта. Туккаев жил в доме Аглинцева большую часть времени своего пребывания в Кисловодске. С сыновьями Аглинцева Туккаев был знаком еще по Владикавказскому реальному училищу. В одном из писем Туккаев обращался к Миллеру и его супруге Евгении Викторовне с просьбой посодействовать, чтобы нанять для дочерей Аглинцева гувернантку [29, 115-116].

Туккаев часто прогуливался по парку с генерал-адъютантом князем А. М. Дондуковым-Корсаковым, который в 1882-1890 гг. был главноначальствующим гражданской частью на Кавказе и командующим войсками Кавказского военного округа. Здесь же ему доводилось встречаться и со знаменитой актрисой московского Малого театра

М. Н. Ермоловой, которая нередко бывала в Кисловодске. В Кисловодске Туккаев виделся и с некоторыми знакомыми по Москве, с которыми общался в доме Миллера. Так, летом 1888 г. его навещал профессор физики и математики Н. П. Леонов, муж двоюродной сестры В. Ф. Миллера, которого в письме он, шутя, называл «Раичкин муж» [29, 118].

Туккаев переписывался с исследователем горских евреев И. Ш. Анисимовым, с которым часто встречался у Миллера. Летом 1888 г. Анисимов должен был приехать в Железноводск на лечение и намеревался навестить Туккаева [29, 120-121].

Из ИОЛЕАЭ Туккаеву неоднократно присылали различные материалы, в числе которых были брошюры Насонова по передвижным плавучим пчеловодным выставкам 1887 г., «Программа для собирания сведений по пчеловодству», «Программа для собирания этнографических сведений» (1887), «Программы для собирания сведений об юридических обычаях» (1887). В «Программе для собирания этнографических сведений», разработанной по инициативе вице-президента ИОЛЕАЭ В. Ф. Миллера, деятельное участие приняли Е. И. Якушкин, М. Н. Харузин и Н. Я. Янчук. «Программа для собирания сведений об юридических обычаях» была составлена по поручению Миллера секретарем Этнографического отдела и д.ч. ИОЛЕАЭ М. Н. Харузиным.

В последние месяцы пребывания Туккаева в Кисловодске состояние его здоровья значительно улучшилось. В письме к Миллеру от 5 сентября 1888 г. он писал: «За два месяца — за июль и август — я увеличился в весе на 17 фун. Доктора этому придают большое значение, но я лично — никакого, так как при первой же простуде, от которой при больных легких нет никакой возможности уберечься, весь этот прирост пойдет к черту. По крайней мере я доволен тем, что лихорадки почти оставили меня, и, в общем, чувствую себя порядочно» [29, 122].

Находясь в Кисловодске, Туккаев ждал назначения на должность податного инспектора во Владикавказ, однако с 1 октября 1888 г. получил место податного инспектора 3 участка Кубанской области в с. Армавир (ныне г. Армавир).

Армавир встретил его негостеприимно. Туккаев писал, что в селении «дороговизна ужасная. Домов хороших много, но квартир для приезжих мало, а потому они дороги. Жизненные припасы — плохие. Пока я снял две комнаты с плохой обстановкой за 20 р. Грязь здесь непролазная, сыро, ветер, идут дождь и снег, а потому сильно кашляю и болит грудь. Работы, должно быть, гибель» [29, 124].

Поработать Туккаеву в Армавире пришлось всего несколько месяцев. Должность податного инспектора была связана с постоянными разъездами, в ходе которых Туккаев нередко простужался. Зима 1888-1889 г. выдалась на Кавказе очень суровой, жестокие морозы сопровождалась сильными ветрами. В декабре 1888 г. Туккаев писал Миллеру: «Весь Кавказ в ужасе и страхе Божьем: морозы доходят до 30° при ужаснейших восточных ветрах. Кто не успел спрятаться вовремя, погиб окончательно. Сегодня с одного тракта привезли восемь трупов, на другом тракте разыскивают почту, которой нет уже третий день. В эти дни я тоже был в разъезде, но, к счастью, ездил по железной дороге. Несколько раз замерзал у нас паровоз, но в конце концов прибыл благополучно домой. Что будет дальше, пока одному Богу известно. Вот Вам и чудный Кавказ! Видно, оплачиваемся за прошлую теплую зиму. Право, завидовать нужно вам, москвичам, что пользуетесь таким ровным и здоровым климатом. Бог с красотою Кавказа и Крыма» [29, 125].

Несмотря на такие тяжелые условия жизни и работы податного инспектора, Туккаев не утратил интереса к науке. В одном из писем Соломон Алексеевич писал Всеволоду Федоровичу: «Рад, что Ваша теория о моих предках все больше и больше подтверждается» [29, 125]. В другом письме Туккаев интересовался у Миллера: «Что Вы-то поделяваете и как живете? Знаю только о деятельности Вашей в Этнографическом отделе из «Рус<ских> Вед<омостей>... Что Вы мне ничего не шлете как из своих творений, так и творений разных Харузиных и Хахановых? Неужели думаете, что я, кроме подачей, уже ничем не интересуюсь?» [29, 126] С большим прискорбием от Миллера Туккаев

узнал о скоропостижной смерти М. Н. Харузина [29, 124], последовавшей 25 сентября 1888 г. в Эстляндии в г. Ревель. Харузин, сложив с себя в июле 1887 г. звание секретаря Этнографического отдела ИОЛЕАЭ, работал в Ревеле на государственной службе в должности старшего чиновника особых поручений.

В декабре 1888 г. Туккаев обещал исполнить просьбу Миллера о сборе полевого материала по истории аула Хумара Баталпашинского уезда Кубанской области (ныне с. Хумара — административный центр Хумаринского сельского поселения Карачаевского района Карачаево-Черкесии): «По получении Вашего письма я сейчас же написал к бывшему хумаринскому приставу, который с уничтожением приставов в Куб<анской> области проживает в Кисловодске. Однако на успех я мало надеюсь, так как с уничтожением приставства в Хумаре, кажется, не осталось ни одного интеллигентного человека. Может быть, есть там сельский учитель. Несмотря на то, что Хумара называется укреплением, она не более не менее как пустошь. Во всяком случае, о результатах моего письма сообщу» [29, 125].

Интерес Миллера к аулу Хумара, по-видимому, был связан с Зеленчукской надписью, обнаруженной Д. М. Струковым летом 1888 г. в двух верстах от аула. Плита из белого известняка с изображением креста и греческих букв была найдена им в лесу, на территории древнего могильника на правом берегу р. Большой Зеленчук. Д. М. Струков, снявший копию с надписи, ознакомил с нею Миллера, который выступил в конце 1888 г. на заседании Московского Археологического общества с рефератом о научном значении Зеленчукской надписи. Произведя дешифровку Зеленчукской надписи, Миллер пришел к заключению, что надпись являлась осетинской, а в местах ее находки в средние века жил народ, говоривший на дигорском диалекте осетинского языка.

Почти в каждом своем письме из Кисловодска и Армавира Соломон Алексеевич сообщал своему другу о состоянии своего здоровья. А. В. Дарчиев, анализируя письма Туккаева к Миллеру, отмечал, что они «совсем иной душевной тональности, по-

скольку несут на себе печать его неизлечимого недуга. Авторский сарказм все чаще переходит в недовольство и открытое раздражение, а тексты все больше напоминают медицинский анамнез с подробным описанием заболевания. Читать их, признаем, нелегко. Непрестанные жалобы на здоровье действуют угнетающе и даже отталкивают, пока в одном из последних писем мы не встретим короткую фразу: «Никто ко мне больше не пишет, кроме Сафара, все забыли». Почему-то именно эти слова вдруг вызывают сострадание и заставляют ощутить всю глубину мучительного одиночества молодого человека, осознающего свою обреченность. Как видно, Миллер был одним из немногих друзей, кому Туккаев мог открыть свою слабость и рассказать о болезни, тщательно скрываемой им даже от ближайших родственников. Стоит ли сомневаться в том, что Всеволод Федорович всячески старался поддерживать его» [27, 109].

После одной из командировок состояние Туккаева резко ухудшилось, и он уже не вставал с постели. В последнем дошедшем до нас письме Миллеру от 4 марта 1889 г. Туккаев писал: «Надо мною опять сразилась беда: во время разъездов, в сырости, простудился и вот уже три недели не встаю с постели. Разыгрался воспалительный процесс в правом легком. Умереть не умру, потому что почти уже здоров, но сильно похудел и опять стал похож на всех чертей. Если эта мерзкая погода простоит еще долго, то или выгонят меня со службы, или нужно будет еще раз простудиться» [29, 126].

Отец Соломона, Алексей Гаврилович Туккаев, считал, что именно последнее происшествие спровоцировало скоропостижную кончину сына. В письме к Миллеру от 19 июля 1892 г. он писал: «В марте 89 г. он поехал в соседнюю станицу. Дорогой тройка увязла в грязи, и Соломон принужден был вернуться обратно ночью, в дождливую погоду, верхом на неоседланной лошади. Он хворал после этого месяца полтора...» [29, 127]

Здоровье Туккаева стало все больше ухудшаться. Когда состояние Соломона Алексеевича врачи объявили безнадежным, родственники перевезли тяжелобольного

на родину. По данным Г.А. Кокиева, Туккаев скончался в с. Христиановское 29 марта 1890 г. [3, 13]. О похоронах Туккаева сообщал в письме к Миллеру подпоручик 7 пехотного Навагинского полка В. Саламов: «На похороны Туккаева собралось все селение, и можете вообразить, какой там плач поднимали не только родственники его, но и посторонние. Почти со всех селений приезжали, чтобы оплакать его. Туккаев был надеждой не только новохристианцев, но и всех остальных дигорцев» [1, 182].

Соломон Алексеевич Туккаев был похоронен в с. Христиановское в ограде церкви Рождества Пресвятой Богородицы. Могила его не сохранилась. В своем отчете за 1890 г. Комитет шелководства Императорского Московского общества сельского хозяйства сообщал о кончине Туккаева: «умер Действительный член С. А. Туккаев, наш молодой безвременно умерший сочлен, отчет которого о состоянии шелководства в Херсонской губ. напечатан в последнем томе наших изданий» [28, 24].

Последним и наиболее значимым научным трудом С. А. Туккаева был историко-этнографический очерк «В горах Дигории» [30], опубликованный в 1889 г. в четырех номерах газеты «Терские ведомости». Он был посвящен описанию землевладения и землепользования в нагорной Осетии и процессу расслоения осетинского крестьянства.

В начале своей статьи Туккаев охарактеризовал основные занятия осетин — земледелие и скотоводство. Он подробно остановился на системе землевладения в нагорной полосе, которая в отличие от плоскостной Осетии была основана на принципе частной поземельной собственности.

По сведениям Туккаева, в общем пользовании нескольких обществ находились пастбища и леса. В общем пользовании отдельного общества были горные пастбища, выгон и, в редких случаях — луга. В родовом владении были все уголья, в том числе и пахотные участки. В частном пользовании находились пахотные участки и луга. Таким образом, отдельная семья имела собственные пахотные и сенокосные участки, а выгоном, лугами, пастбищами и лесами она

пользовалась на общинных началах наравне с другими членами общества.

Туккаев отметил, что единицей измерения земельных участков у осетин считался «бонцау» или «бонгæндæ». Так назывался участок, который можно было вспахать в один день одной сохой при одной паре волов. При этом «бонцау» подразделялся на «тоги бонцау» и хозяйственный. «Тоги бонцау» — размер участка, назначенного в вознаграждение за кровь убитого родственника. Длина и ширина «тоги бонцау» равнялась 8 веревкам. Веревка равнялась 4 «ивазнам». «Ивазной» считалось расстояние между крайними точками горизонтально расставленных рук, примерно сажень. По подсчетам Туккаева, «тоги бонцау» равнялся 1024 кв. сажням ($4,8 \times 4,8 = 32,32$). Размер хозяйственного «бонцау» варьировался в зависимости от местности, дальности расстояния, состояния почвы, хозяйственного инвентаря, видов работы. По данным Туккаева, он равнялся 624, 680 и 800 кв. сажням, т.е. немного больше $\frac{1}{4}$ десятины. Большинство крестьянских дворов имели по от 3 до 5 «бонцау», лишь некоторые дворы имели 10, 20 и даже 30 и 40 «бонцау».

Туккаев указал на то, что в нагорной части Осетии было немало совершенно безземельных и даже бездомных семейств, которые пользовались только выгоном и горными пастбищами наравне с другими членами общества, а пахотные участки и сенокосы должны были арендовать у других. Порядок аренды, при котором крестьянин собственным инвентарем обрабатывал землю на половинных началах, у осетин назывался «хаддзон». Г.А. Кокиев отмечал, что «основанный на натуральной оплате труда, осетинский «хаддзон» по существу являлся отработками — остатком барщинно-крепостнического хозяйства, задерживавшим разложение осетинской деревни» [3, 23].

Острая нехватка земли приводила к баснословно высоким ценам на землю. Стоимость пахотной земли зависела от категории, к которой она принадлежала. Особенно дорогими были участки земли под названием «мидгом зæхх»/диг. «медгом хумæ» — приусадебные участки с горизонтальной поверхностью и легко удобряемой

почвой. По сведениям Туккаева, стоимость одной десятины такой земли составляла от 1224 руб. До 1872 руб. [30]. Более дешевыми были участки земли «кæрон зæхх»/диг. «æф-цæггæрон хумæ», которые находились в удалении от аула и располагались на склонах гор, неудобных для пахоты. Десятина такого участка земли стоила от 350 до 400 руб. Туккаев привел в своей статье стоимость земли в Уаллагкоме горной Дигории, где земли были сравнительно дешевыми. Он отметил, что те же участки земли в Стур-Дигории стоили в два-три раза дороже.

Различалась по стоимости цена поливных и неполивных лугов.

Большой интерес представляли сведения Туккаева о формах эксплуатации осетинской бедноты богатыми скотоводами, в руках которых была сосредоточена основная масса крупного и мелкого скота. Значительная часть крестьянства не имела ни молочного, ни рабочего скота и вынуждена была батрачить. Именно бедняки выступали в скотоводческом хозяйстве в качестве арендаторов. Туккаев рассмотрел несколько видов аренды скота. Он подчеркнул, что наиболее распространенным видом аренды скота у нагорных осетин была «ласка». Арендатор брал у собственника стадо овец сроком на пять лет и нес все расходы как по летнему, так и по зимнему содержанию овец. В течение этого времени собственник ежегодно получал от арендатора половину шерсти всех овец, а также шкурки павших или зарезанных овец. Молочные продукты принадлежали арендатору скота. После окончания пятилетнего срока аренды все стадо делилось поровну между арендатором и собственником. Раньше оговоренного срока условия аренды могли быть расторгнуты только по обоюдному соглашению. После трехлетнего срока аренды все стадо делилось на три части, из которых арендатор получал одну часть, а собственник — две части. Менее распространенным видом аренды Туккаев считал аренду скота на три года. В течение этого времени арендатор нес все расходы по содержанию скота. После окончания арендного срока арендатор отдавал собственнику трех овец вместо взятых двух. Третий вид аренды,

по сведениям Туккаева, был известен под названием «лæскъдзæрæн». Из стада, для которого нанимался пастух на пять лет, выделялось примерно 50-60 голов овец. На ушах этих овец, а также приплода, пастух ставил свою метку. В течение 5 лет пастух пас отмеченных овец вместе со всем стадом собственника, который брал на себя обязанности по содержанию стада. Молочные продукты со всего стада поступали в пользу хозяина, а шерсть овец с меткой пастуха делилась поровну между пастухом и хозяином. Туккаев отметил, что в последний год аренды пастух или кто-нибудь из его семьи должен был принять участие в заготовлении сена для корма овец. По окончании срока аренды все овцы с меткой пастуха делились поровну между пастухом и хозяином. Условия аренды могли быть расторгнуты только по обоюдному соглашению.

Кокиев по поводу приведенного Туккаевым вида аренды писал: «Так как по условию аренды пастух-арендатор нес перед кулаком материальную ответственность за целостность первоначального количества стада, то при подсчете всего поголовья стада пастух-арендатор не только ничего не получал за свой труд, но обычно оказывался в «долгу» у кулака, который заставлял его подрядиться в уплату «долга» еще на пять лет. В конечном счете бедняк окончательно запутывался в сетях аульного кулака, из цепких рук которого высвободиться было почти невозможно» [3, 22].

К сожалению, очерк С. А. Туккаева не был завершен. В конце четвертой части очерка, опубликованного в конце декабря 1889 г., указывалось, что будет продолжение. Однако продолжения очерка не последовало, этому помешала преждевременная смерть автора.

Известный историк-кавказовед Г. А. Ковкиев писал: «Насыщенный историко-этнографическими материалами, с начала и до конца построенный на личных полевых наблюдениях автора, очерк Туккаева весьма ярко рисует земельные отношения осетин нагорной полосы, а потому для истории осетин конца XIX века он имеет исключительное значение» [3, 20].

Кокиеву принадлежит три работы о Туккаеве. В 1946 г. в журнале «Советская этнография» им была издана статья «С. А. Туккаев — этнограф осетинского народа» [1, 182-187]. В 1948 г. та же статья под названием «Туккаты С. А. ирон адаемы этнограф» была опубликована Кокиевым на осетинском языке в журнале «Мах дуг» [31, 48-52]. В 1948 г. вышла брошюра Кокиева «Этнограф осетинского народа С. А. Туккаев (краткий биографический очерк)», в приложении к которой был размещен очерк Туккаева «В горах Дигории» [3]. В работах Кокиева был опубликован фотографический портрет Туккаева.

В содержательных трудах Кокиева охарактеризован жизненный путь Туккаева, его научное наследие, вклад в изучение фольклора и этнографии осетин. В своих работах Кокиев широко использовал письма С. А. Туккаева к В. Ф. Миллеру, которые были выявлены им в личном архиве Миллера в рукописном отделе Института мировой литературы им. А. М. Горького, ныне Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).

В 2013 г. письма С. А. Туккаева, его отца (А. Г. Туккаева) и младшего брата (Г. А. Туккаева) к В. Ф. Миллеру были впервые опубликованы А. В. Дарчиевым в «Известиях СОИГСИ» [29, 110-133]. Письма изданы по сканированным копиям автографов, хранящихся в РГАЛИ. Тщательное исследование писем позволило Дарчиеву расположить их в хронологическом порядке, составить общую нумерацию, установить примерные даты для тех, в которых отсутствуют авторские датировки. В ценных примечаниях и комментариях к письмам Дарчиев привел сведения о лицах, упоминаемых в тексте, исследователях, недавно обнаруживших неизвестную ранее публикацию С. А. Туккаева и С. И. Урусбиева в журнале «Отечественные записки».

С. А. Туккаев был одним из ярких представителей осетинской интеллигенции последней четверти XIX в. В. Ф. Миллер отзывался о нем «как о талантливом молодом человеке и очень жалел, что он так рано погиб» [22, 122]. Несмотря на короткий жизненный путь, Туккаеву удалось внести весомый вклад в развитие осетиноведения.

1. Кокиев Г. А. С. А. Туккаев — этнограф осетинского народа // Советская этнография. 1946. № 2. С. 182-187.
2. Научный архив СОИГСИ. Ф. Дзагурова. Оп. 1. Д. 71а.
3. Кокиев Г. А. Этнограф осетинского народа С. А. Туккаев (краткий биографический очерк). Дзауджикау, 1948.
4. Миллер В. Ф. Осетинские этюды. М., 1881. Ч. I. С. 96-97.
5. Архив Института этнологии и антропологии РАН. Ф. 21. Д. 8а.
6. Медоев А. Сказание о появлении медоносных пчел в Дигории // Терские ведомости (далее ТВ). 1880. № 31.
7. Абаев В. И. Всеволод Миллер как осетиновед // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института. Сталинир, 1948. Вып. VI. С. 19-30.
8. Алборов Б. А. Всеволод Федорович Миллер как лингвист-осетиновед // Некоторые вопросы осетинской филологии. Владикавказ, 2005. Кн. 2. С. 383-400.
9. Бекоев Г. Г. Возникновение Осетинской письменности и ее развитие (краткий очерк) // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Владикавказ, 1925. Т. I. С. 13-27.
10. Цаллагова З. Б., Гостиева Л. К., Бибилова Р. П., Джиоева Г. Х. Становление осетиноведения как отрасли российского академического кавказоведения // У истоков осетиноведения. Первые исследователи и собиратели осетинского фольклора и традиционной культуры. Владикавказ, 2013. С. 4-30.
11. Миллер В. Ф. Осетинские этюды. М., 1882. Ч. II. С. II.
12. Бесолова Е. Б. Вопросы языка и духовной культуры осетин в трудах академика Вс. Ф. Миллера // Известия СОИГСИ. 2008. Вып. 2 (41). С. 30-35.

13. *Гатиев Б.* Суеверия и предрассудки у осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып. IX. С. 1-83.
14. *Гостиева Л. К.* Традиции воспитания детей в осетинской крестьянской семье в конце XIX — начале XX века: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1981.
15. Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии». Том XLVI. Вып. I. Зоологический сад и акклиматизация. Том второй. Труды Отделения Пчеловодства Императорского Русского Общества Акклиматизации животных и растений. М., 1885.
16. *Миллер В. Ф., Ковалевский М. М.* В Горских обществах Кабарды: Из путешествия Всева Миллера и Макс. Ковалевского // Вестник Европы. СПб., 1884. № 4. С. 540-588.
17. *Миллер В. Ф.* Сообщение о поездке в Горские общества Кабарды и в Осетию летом 1883 г. // Известия КОИРГО. Тифлис, 1884-1885. Т. III. С. 198-204.
18. *Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. М., 1887. Ч. III.
19. *Миллер В. Ф.* Осетинские сказки // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. М., 1885. Вып. I. С. 113-140.
20. *Fünf ossetische Erzählungen im digorischen Dialect.* W. Miller and R. von Stackelberg (Eds.) St.-Petersburg, 1891.
21. Дигорские сказания // Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков. М., 1902. Вып. IX. № VIII, XI, XII, XIII.
22. *Собиев И.* Мои воспоминания об академике Всеволоде Федоровиче Миллере по случаю столетия со дня рождения его (1848–1948) // Известия СОИГСИ. 2008. Вып. 2 (41). С. 121-125.
23. *Туккаев С., Урусбиев С.* Письмо в редакцию // Отечественные записки. 1884. Т. 268. Отд. II. С. 275-276.
24. Этюды о Балкарии: Урусбиевы, Мисост Абаев, Баси-Шиханов. Нальчик, 2007.
25. *Абрамов Я. М. М. Ковалевский* о сословно-поземельных отношениях у горцев Северного Кавказа // Отечественные записки. 1884. Т. 267. Отд. II. С. 163-167.
26. *Калоев Б. А. М. М. Ковалевский* и его исследования горских народов Кавказа. М., 1979.
27. *Дарчиев А. В.* Письма С. А. Туккаева к В. Ф. Миллеру (1885-1889 гг.) // Известия СОИГСИ. 2013. Вып. 10 (49). С. 108-109.
28. Труды Комитета шелководства Императорского Московского общества сельского хозяйства. 1885-1889. М., 1890. Вып. V.
29. Письма С. А. Туккаева к В. Ф. Миллеру // Известия СОИГСИ. 2013. Вып. 10 (49). С. 110-133.
30. *Туккаев С. А.* В горах Дигории // ТВ. 1889. № 90, 91, 93, 101.
31. *Кокиты Г. А.* Туккаты С. А. Ирон адæмы этнограф // Мах дуг. 1948. № 1. Ф. 48-52.